

ОБ ОДНОМ НЕУДАВШЕМСЯ ПЛАНЕ ДЕНИКИНА

Марш Красной Армии от Орла до берегов Азовского и Черного морей нередко изображается как сплошное триумфальное продвижение, как продвижение без боев.

Очевидно, одной из наименее разработанных тем гражданской войны является Харьковская операция Красной Армии — операция по овладению Харьковом, так блестяще проведенная командованием Южного фронта.

Спросите коренного жителя Харькова о том, как — с боями или без боев — был взят Харьков Красной Армией 11 декабря Харьков, он искренне ответит:

— Я не слышал ни одного выстрела... Красные вошли в Харьков без боя.

Он прав. Красные вошли в Харьков действительно почти без единого выстрела. Непосредственно у самого Харькова боев не было. Значит, жители не могли слышать канонады. Не назовешь же шумом боя тот беспорядочный огонь, какой время от времени открывали отступавшие в панике обозники белых, или те выстрелы, какими аккомпанировала свои грабежи в городе отступавшая «грабьярмия».

11 декабря разведка Красной Армии почти одновременно с трех сторон — с юго-запада, с запада и с севера — беспрепятственно вступила в брошенный белыми Харьков.

А вот до этого, до этих дней, на дальних подступах к Харькову, шли упорные бои. Они разыгрались неожиданно для нас и велись настойчиво, как последняя, решительная попытка деникинцев приостановить победное наступление Красной Армии.

Занятие нами Харькова означало крушение единого белого Юга. После Харькова деникинская армия неизбежно должна была разбиться на две группы, с каждым днем все больше и больше теряющие взаимодействие. Путь одной из них лежал на юго-восток — на Ростов, другой — в Крым и на Одессу.

Неизбежное крушение единого деникинского фронта объяснялось не только тем, что за Харьковом поток железных дорог разбивался на два расходящихся направления — на юго-запад и на юго-восток, но и широким разворотом антиденикинских восстаний к югу от Харькова. Екатеринославская губерния фактически находилась в руках повстанцев-крестьян.

Это всеобщее крестьянское восстание против Деникина было широко использовано политическим авантюристом Махно, нехотя ставшим временным помощником Красной Армии и революции в борьбе с помещичьей контрреволюцией

и интервенцией. Деникинская белогвардейщина оказалась бессильной в борьбе против крестьянской стихии. Именно это обстоятельство создало тот ореол непобедимости, каким в известный период было окружено имя Махно. Этот ореол непобедимости рассыпался немедленно, как только Махно встал на путь борьбы против Советов.

Обстановка заставляла Деникина принимать решительные меры для удержания Харькова. Малоподвижный Май-Маевский, опухший от пьянства, с треском снимается с должности командующего Добрармией. На его место Деникин выдвигает своего открытого противника и конкурента — генерала Врангеля. Перед лицом «красной опасности» наступает как бы примирение между Деникиным и Врангелем.

Врангель принимает свое назначение на должность командующего Добровольческой армией, рассматривая это как первый и решительный шаг к овладению всей полнотой власти.

План его: удержать Харьков, стать героем белогвардейского стана, а потом идти к власти. В худшем случае — отход с частями Добровольческой армии в Крым, самостоятельность, эмансипация от Деникина.

Защита Харькова была задумана белым командованием как большая и серьезная операция: отразить на дальних подступах к Харькову наступление красных, а затем от обороны перейти в наступление. Расчет строился на утомленность Красной Армии, на сильную растяжку ее тылов. Белым не могло не быть известно, что темпы восстановления железных дорог отставали от темпов продвижения Красной Армии. Железные дороги бездействовали. Боеприпасами Красная Армия снабжалась преимущественно за счет трофеев.

Деникинцы понимали, что оборона такого крупного промышленного центра, как Харьков, может быть успешно решена лишь в том случае, если она будет вынесена далеко вперед.

Начиная с 5 декабря наступающие на Харьков 14-я армия и правый фланг 13-й армии стали испытывать все возрастающее сопротивление белых.

В белой армии проводится большая организационная работа. В войска наспех вливаются пополнения, резко улучшается снабжение. Настроение войск искусственно приподнимается слухами о близкой помощи союзников.

5 декабря Красная Армия переходит линию р. Ворсклы уже со значительными боями. С 5 по 9 декабря развертываются упорные, изо дня в день возобновляющиеся бои. На отдельных участках войска Добровольческой армии переходят в контратаки. Наши потери резко возрастают.

Белое командование бросает на левый фланг 13-й армии (валуйское направление) конный корпус Мамонтова, несколько уже оправившийся и отдохнувший после поражения под Воронежем. Конному корпусу Мамонтова удастся одержать временный успех на внутренних флангах 13-й и 8-й армий. Наша 12-я стрелковая дивизия (правый фланг 8-й армии) несет в этих боях значительные потери. Маневр белых в валуйском направлении сопровождается резким усилением сопротивления на подступах к Харькову.

Однако успех корпуса Мамонтова быстро ликвидируется. Стремясь выйти в тыл Красной Армии, корпус Мамонтова сам подвергается неожиданному и энергичному фланговому удару со стороны 1-й Конной армии красных (Ворошилов, Буденный). С этого момента начинается крушение «грандиозного» плана Деникина и Врангеля.

В те дни пишущий эти строки командовал 46-й дивизией, двигавшейся в центре 14-й армии в направлении Грайворон — Золочев — Мерефа, имея задачей обойти Харьков с запада.

Быстрое наступление дивизии сменилось методическим продвижением от рубежа к рубежу. Сопротивляемость белых усиливалась с каждым днем. Давала себя чувствовать и недостаточная организованность нашего, еще не освоенного нами тыла. Связь с командованием армии периодически терялась. Отступающие войска Деникина основательно разрушали не только железные дороги, но и постоянную сеть связи. Недоставало огнеприпасов. Обстановка ухудшалась еще тем, что сосед слева — Латышская дивизия, — встречая упорное сопротивление, продвигался медленнее нас. Латышей в свою очередь связывала Эстонская дивизия (левый фланг 13-й армии), наступавшая вдоль железной дороги Орел — Харьков.

Все это привело к тому, что 46-я дивизия вместе с действующей правее ее 41-й дивизией (Саблин) оказалась далеко выдвинутой вперед. Противник пускал в дело все средства. Среди жителей умышленно распространялись слухи о подходе к Харькову крупных сил и танков. Эти сведения проникали в свою очередь и в наши войска. Наш политический аппарат вел напряженную борьбу с подобными уловками противника.

Но были и слухи, заслуживавшие внимания. Например, о приходе частей генерала Шкуро. Впоследствии подтвердилось, что генерал Шкуро действительно должен был выгрузиться со своими войсками где-то в районе Харькова. Быстрое продвижение наших войск сорвало этот план.

Связь с командованием армии и соседями затруднялась еще диверсионной работой белых. В районе дивизии орудовал

какой-то ловкий и энергичный разведчик белых, которого нам так и не удалось раскрыть. Он буквально парализовал нашу работу по проволочной связи. Только-только восстановим связь с соседями и со штабом армии, как в сеть включается «беленький» (так его прозвали связисты), и в трубке слышны свист, улюлюканье, «боже, царя храни»... Начальник штаба дивизии Осадчий, горячий и несколько несдержанный человек, неистовствовал. Для него стало буквально традицией вести регулярные ночные переговоры с «беленьким», неизменно заканчивавшиеся обоюдной руганью.

Большое значение для нас в этот период имело то живое, непосредственное руководство, которое осуществляло командование 14-й армии (Уборевич, Орджоникидзе). Этим путем мы ориентировались в обстановке и получали ясные перспективы на случай потери связи.

Особо упорные бои на нашем участке развернулись 7—8 декабря в районе с. Лютовки. Это было лютое для нас место.

На 7-е мы назначили стоянку штаба в с. Лютовке. Вечером мы с комиссаром дивизии тов. Мехлисом пересекаем железную дорогу. Нас поражает странная тишина. Бой затих. Не слышно выстрелов. Не видно оружейных зарниц. Дорога пустая.

Переезжая с участка 3-й бригады на участок 2-й бригады, мы попали точно в пустое место... Странно! Днем на участке 2-й бригады в районе Лютовки шел упорный бой. Мы направляемся туда именно потому, что на участке 3-й и 1-й бригад обстановка сложилась заметно благоприятнее. Едем теперь на самый тяжелый участок.

Странно: тишина, пусто, ни одной повозки с ранеными.

Заходим в железнодорожную будку. Нас встречают явно пораженные люди.

— Кто вы?

— Мы — красные.

— Не может быть, — недоумевает будочник. — Красные отступили. Только что ушел на Харьков бронепоезд белых.

Что произошло на участке 2-й бригады? Не прорван ли в самом деле фронт? Но почему в таком случае отошел к югу бронепоезд белых?

Наконец мы наткнулись на нашу 2-ю бригаду. Она расположилась на северной окраине с. Лютовки. Южную окраину продолжали занимать белые.

В штабе бригады чувствовались усталость и нервозность. Командир бригады растерянно докладывал об огромных потерях, об утомлении людей, о свежих подкреплениях противника. Он предлагал приостановить наступление и закрепиться

здесь до выравнивания фронта. Его беспокоили выдвинутое положение бригады и всей дивизии, отсутствие связи с соседями.

— Противник готовит контрудар. Против нас действует полковник Туркул. Он появляется там, где намечается удар.

Нам с тов. Мехлисом пришлось зло обрушиться на этого человека, потерявшего общую перспективу в то время, как командующий армией спокойно и уверенно делает последний ход для окончательного разгрома противника.

Почему, однако, противник безмолвствует? Почему такая тишина на фронте? Может быть, противник отходит?

— Выслать сильные разведывательные отряды!

Мы тут же занялись организацией разведки. Через час-два выяснилось: противника нет. Он еще в сумерках с огромным количеством раненых отступил на юг.

Рано утром наступление возобновилось с прежней силой.

Правый фланг 14-й армии уже 7—8 декабря в результате глубокого обхода (в ночь с 7-го на 8-е 41-я дивизия заняла Богодухов) очутился в тылу «добровольцев», защищавших Харьков, отрезал главной их массе пути на Крым. Особенно быстро продвигалась вперед правофланговая 41-я дивизия. Откатывавшиеся перед ней дезорганизованные части конницы генерала Юзефовича не оказывали уже никакого сопротивления. Судьба Харькова была решена.

План Врангеля и Деникина рухнул. Он рухнул не потому, что был плохо задуман. С точки зрения формального военного искусства он был задуман неплохо, даже хорошо. Однако самый блестящий план оказывается бессильным тогда, когда у этого плана нет исполнителей, когда против него — народ.